

Элизабет Вернер

По следам

Элизабет Вернер

По следам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7773561

Аннотация

«– Целых три дня сидим мы здесь в ожидании покушения, а до развязки нашей трагической повести еще далеко! Я серьезно думаю, господин Зебальд, что хотят одурачить и вас, да в придачу еще и его превосходительство господина гофмаршала!..»

Элизабет Вернер

По следам

– Целых три дня сидим мы здесь в ожидании покушения, а до развязки нашей трагической повести еще далеко! Я серьезно думаю, господин Зебальд, что хотят одурачить и вас, да в придачу еще и его превосходительство господина гофмаршала!

– Тише, Галлер, не так громко! Вы все забываете, что мы должны соблюдать осторожность, величайшую осторожность, – заметьте это себе!

Этот разговор происходил в садике деревенской гостиницы, из которого открывался вид на озеро, окруженное со всех сторон горами. Это было прелестное, затерявшееся в горах, местечко, еще не открытое многочисленными путешественниками. Единственная скромная гостиница предназначалась главным образом для местных жителей; изредка заглядывавшие в нее туристы в самом непродолжительном времени снова уезжали, в погоне за более величественными картинами природы. В настоящее время в гостинице уже несколько дней жил господин, отрекомендовавшийся хозяину как человек, путешествующий для своего удовольствия; теперь он, в сопровождении слуги, предпринял, по его словам, поездку в горы; однако из разговора, который велся вполголоса, можно было заключить о совсем иной цели пу-

тешества.

Зебальд бросил вокруг себя недоверчивый взгляд, хотя на открытой лужайке с несколькими фруктовыми деревьями решительно негде было спрятаться, и вполголоса продолжал:

– Очень возможно, что нам придется прожить здесь целую неделю, прежде чем произойдет что-нибудь подозрительное, а это несомненно случится. При прощанье его превосходительство выразился вполне определенно: «Я поручаю вам, милый Зебальд, дело большой важности, требующее величайшего умения и прежде всего – величайшей осторожности. Я не могу дать вам более точные указания, но для возбуждения вашей энергии довольно сказать вам, что дело идет о посягательстве на спокойствие княжеского дома, и этому надо во что бы то ни стало помешать». Для меня этого было достаточно.

– Но этого чертовски мало, – с сомнением произнес Галлер. – Как можем мы захватить преступника, не зная его примет?

– Мы вовсе не должны его схватывать, а только выследить. Господин гофмаршал хочет, кажется, лично руководить всем делом. В настоящее время он находится в курорте, в трех часах езды отсюда; как только случится что-нибудь подозрительное, мы должны немедленно донести ему и затем ожидать дальнейших приказаний.

– Ничего не может случиться в этой жалкой дыре, где все с детства знают друг друга. Стоит спросить о ком-нибудь из

здешних жителей – и вы тотчас услышите полную биографию и его самого, и всех его предков до прадеда включительно; а что касается посторонних, которых мы видели в эти три дня, то о них и упоминать не стоит. Лошадник-барышник, два крестьянина и коммивояжер по продаже коньяка и спиртных напитков – все ужасно солидные люди! Ни одного из них нельзя было бы взять за шиворот!

Последние слова прозвучали очень уныло. Начальник, услышав их, с неудовольствием покачал головой.

– Взять за шиворот! Вот в чем заключается вся ваша мудрость! А сделать-то это сумеет любой жандарм. Нет-с, мы должны наблюдать, бодрствовать, соображать, чтобы найти преступника, а уж схватить его тогда совсем просто. Его превосходительство ясно выразили желание, чтобы я взял с собою человека, на которого при всяких обстоятельствах можно положиться; я выбрал вас, Галлер, и надеюсь, что вы оправдаете мое доверие.

– За мною дело не станет! Только бы нам увидеть что-нибудь подозрительное! – проворчал Галлер и со скучающим видом принялся глядеть на озеро, нисколько не увлекаясь красивой местностью, так как в ней не было ничего подозрительного.

– Стойте, там кто-то едет! – воскликнул вдруг Зебальд, указывая на дорогу, ведущую с горы в долину. – Дорожная коляска!

– Да, но в ней только две дамы.

– Это все равно, – мы не должны никакой мелочи упускать из вида. Будем наблюдать!

Вынув маленький бинокль, он принялся внимательно разглядывать экипаж и пассажиров. Это было простое открытое ландо, которому привязанные сзади сундуки придавали самый мирный вид. Сидевшие в нем дамы, по-видимому несколько не подозревая, что сделались предметом такого напряженного внимания, вели между собою оживленный разговор.

– Я решительно не понимаю тебя, Валеска, как можешь ты так волноваться из-за пустяков? – сказала старшая. – Если даже господин фон Бэлов действительно узнает о цели нашего путешествия...

– То отправится вслед за нами и ни на шаг не будет отходить от меня! Ты знаешь, что для меня было крайне важно держать нашу поездку в секрете; никто не должен был знать о ней. Я так просила тебя об этом! – и вдруг теперь узнаю, что ты все-таки все выдала ему.

Эти слова, высказанные взволнованным голосом, принадлежали стройной молодой девушке поразительной красоты, в простом, но очень изящном дорожном костюме. Нежное, немного бледное лицо отличалось той привлекательностью, которая зависит не от одной только внешней красоты, но и от богато одаренной души, а в темных глазах светилось особенно серьезное выражение, редко встречающееся у двадцатилетней девушки.

– Каким образом могла я выдать план нашего путешествия, когда он мне самой неизвестен? – стала защищаться ее спутница. – Ведь я до сих пор не знаю, куда мы собственно едем; знаю только, что этот экипаж должен доставить нас в Зеефельд и что Зеефельд будет лишь промежуточной станцией; это я действительно сообщила господину фон Бэлов. Он был так поражен нашим внезапным отъездом, так неутешен, что у меня не хватило духа молчать, и он встал с рассветом, чтобы лично принести букет, который должен был ожидать на балконе твоего пробуждения.

– Очень жаль! Ведь при этом он имел случай видеть коляску и узнать, куда мы едем. Надо надеяться, что он не отправился тотчас вслед за нами пешком, так что в данную минуту нам не угрожает встреча с ним. Позже он, по-моему, может явиться.

– В самом деле? Так ты ничего не имеешь против того, чтобы он потом следовал за нами?

– Ничего, милая тетя.

– Слава Богу! – с облегченным вздохом отозвалась тетя. – Я уже боялась, что ты этим бегством в горы хочешь положить конец его сватовству. Подумай, Валеска, от какой судьбы ты отказываешься! Он богат, пользуется независимым положением, старого баронского рода, владелец майората...

– А ты во что бы то ни стало хочешь иметь племянником барона из старой аристократической семьи, – смеясь встави-

ла Валеска.

При таком основательном предположении старая дама немного смутилась, но тотчас овладела собой и с достоинством возразила:

– Я хочу видеть единственное дитя моего покойного брата любимым и счастливым.

– Любимым – может быть, но счастливым с таким мужем, как Куно фон Бэлов...

– А почему же нет? Он очень добр.

– Согласна, но это и все. Простодушный и добросердечный, как ребенок, и в то же время до невероятности упрямый, как все ограниченные люди. Если я два раза прогоню его, он придет в третий раз и начнет именно с того места, на котором в последний раз остановился. Таких мужчин не любят!

– Но иногда выходят за них замуж.

– Да, если во что бы то ни стало хотят сделать так называемую «партию». У меня в этом отношении собственные взгляды.

– Которые одному Богу известны! – со вздохом произнесла старая дама. – Глупые, сумасбродные фантазии, не считающиеся с действительностью. Ты пользуешься славой известной артистки, публика носит тебя на руках, вот ты и вообразила, что и в жизни все должно происходить так же, как на сцене; ты мечтаешь об идеальной, романической любви, а так как бедняжка Бэлов не отвечает такому идеалу, то ты

с презрением отталкиваешь его; между тем из всех увивающихся вокруг тебя поклонников только у него одного серьезные намерения.

– И, несмотря на все это, я к сожалению принуждена отклонить его лестное предложение. Не хлопочи о нем, тетя! Я знаю, что ты с ним в заговоре, он в тебе имеет неутомимую союзницу, но все твои старания напрасны: я остаюсь при своем отказе.

Это было произнесено довольно решительным тоном. Но старой даме не хотелось отказаться от своего любимого плана; она забрала себе в голову сделаться теткой владельца майората и, видя, что ни майорат, ни древнее происхождение не оказывают на племянницу никакого действия, решила произвести нападение с другой стороны.

– Дорогое мое дитя, ведь я забочусь только о твоём счастье, о твоей будущности! – воскликнула она. – Разве я не вижу, как мало ты со своей невозможной гордостью подготовлена к той жизни, которая многим кажется такой завидной и в которой столько скрытых шипов? Боюсь, что ты в этом давно сама убедилась, а между тем твоя артистическая карьера только что началась. Талант – твоё единственное богатство, но и он не в состоянии защитить тебя от недоброжелательства и оскорблений; в этом ты могла убедиться прошлой зимой, когда за тобой так открыто ухаживал принц Леопольд.

– Тетя, прошу тебя! – вся вспыхнув, перебила ее молодая девушка.

– Ну, да, я знаю, что ты не хочешь больше слышать об этом, – ведь со всем этим уже давно покончено; я только хотела напомнить тебе, как беззащитно твое положение, несмотря на твою безупречную репутацию. Обыкновенно свет не расположен верить, что молодая артистка могла бы из гордости отклонить любовь принца, который не может предложить ей руку. Его светлость герцог был серьезно озабочен и стремглав отправил своего брата путешествовать, а ты несколько времени была в полной немилости при высочайшем дворе.

– И это было тебе гораздо обиднее, чем самой мне, – с легкой насмешкой вставила молодая девушка.

– Да, ты отнеслась ко всему с невероятным легкомыслием, а эта немилость всем бросалась в глаза. Если бы не было так трудно заменить тебя, ты наверно потеряла бы место в придворном театре. Ты снова немного вошла в милость лишь тогда, когда увидели, что ты продолжаешь держаться очень скромно и что принц не делает попыток сблизиться с тобою; но о прежнем расположении двора не может быть и речи.

– Да, я в этом убедилась, – с горечью сказала Валеска. – Прежде меня все ласкали и берегли, а теперь предоставлен полный простор всякой интриге против меня; мне даже передавали, что мое добровольное удаление было бы очень желательно. Впрочем это желание исполнится, может быть, скорее, чем ожидают.

– Неужели ты хочешь нарушить контракт? – спросила тет-

ка. – Это было бы очень опрометчивым шагом. Условия блестящи, публика тебя обожает; а что касается интриг и неприятностей, то их ты везде найдешь, куда бы ты ни перешла. Дитя, дитя, эта жизнь съедает тебя; я знаю, как глубоко ты страдаешь, но тебе стоит сказать одно слово, чтобы освободиться от всего этого. Как счастлив был бы господин фон Бэлов, если бы мог похитить тебя у сцены!

Она удачно вернулась к прежней теме, но на этот раз Валеска только нетерпеливо пожалала плечами и отвернувшись стала разглядывать окружающую местность.

Коляска крупной рысью спускалась с горы; внизу сверкала ясная поверхность горного озера; на гористом зеленом берегу живописно приютилось маленькое местечко; в ярких лучах солнца ослепительною белизной блестели стены маленькой церкви, лежавшей на небольшой возвышенности за деревней; как раз в эту минуту раздался ясный звон колокола и далеко разнесся по горам. Каким приветливым показался звук колокола молодой девушке, не отрывавшей взора от белых стен церкви! Ее прекрасные темные глаза вдруг засверкали, как будто до нее донеслось приветствие из уст дорогого человека.

Не получая ответа на свою речь, ее старая родственница со вздохом оставила любимую тему, не встречавшую никакого сочувствия, и обратила все свое внимание на лежавшую внизу долину.

– Итак, это – Зеефельд! – начала она. – Как ты напала

на такое уединенное местечко? Маленькая гостиница внизу имеет более чем скромный вид; мы едва ли найдем в ней приличное помещение для ночлега.

– Этого и не нужно, так как мы остановимся в пасторате.

– У зеефельдского пастора? Господи, да откуда ты знаешь его?

– Я познакомилась с ним случайно и думаю теперь на несколько часов воспользоваться его радушным приглашением.

Старушка выпрямилась и окинула свою племянницу недоверчивым взглядом.

– Валеска, ты что-то скрываешь от меня! Я всюду сопровождала тебя и непременно знала бы об этом знакомстве. Что вообще означает эта таинственная поездка? Мы спокойно сидели на даче, рассчитывая провести там несколько недель, как вдруг ты совершенно неожиданно собралась ехать, причем обставила отъезд глубочайшей тайной. Никто не должен ничего об этом знать; при известии, что о нашем путешествии знает господин фон Бэлов, ты совершенно вышла из себя; наконец здесь, в маленькой горной деревушке, у тебя оказываются знакомства, о которых я никогда не слышала. Ты что-то скрываешь... и от кого же? От меня, заменившей тебе мать и любящей тебя, как родную дочь! Чем я это заслужила?

По-видимому она приняла дело близко к сердцу, так как в ее глазах стояли слезы; но Валеска только улыбнулась и

ласково взяла ее за руку.

– Все это я знаю, милая моя тетя, знаю, что у тебя добрейшее сердце, что у тебя лишь один недостаток – ты не умеешь молчать! Это еще раз подтвердилось, когда фон Бэлов накинулся на тебя с расспросами и просьбами. Вот почему ты должна позволить по крайней мере мне молчать. В конце концов ты ведь узнаешь, в чем дело. Мне хочется поразить тебя неожиданностью.

Теперь коляска уже спустилась в долину и быстро катилась по деревенской улице. Проезжая мимо гостиницы, дамы почти не заметили в саду двоих посторонних, которые, благоразумно припрятав бинокли, также, казалось, не обратили никакого внимания на проехавших; но, как только экипаж скрылся из вида, они обменялись изумленными взглядами, и Галлер вполголоса сказал:

– Да ведь это – мадемуазель Блюм!

– Валеска Блюм, – подтвердил Зебальд, – прославленная звезда нашего придворного театра! Как попала она в эту глухую деревушку? Это удивительно!

– Коляска остановилась у пастората, – объявил Галлер, подойдя к садовой ограде, – а вот и его преподобие выходит навстречу дамам.

– Еще удивительнее! Какое может быть там дело у молодой артистки? Это – не посещение родственников или добрых друзей; священник встречает их с необыкновенным почтением. Они действительно входят в дом, сундуки уже от-

вязаны... Галлер, за ними надо следить!

– Но артистка великогерцогского театра и почтенный пастор не могут быть подозрительными, – возразил Галлер. – Они наверно не станут содействовать покушению на княжеский дом. Я думаю, что его светлость и его превосходительство нас самих взяли бы за шиворот, если бы мы позволили себе приблизиться к мадемуазель Блюм! К ней очень расположены при дворе, особенно ее светлость герцогиня.

Зебалд с видом превосходства пожал плечами.

– Нет ничего неподозрительного, надо за всем следить, все наблюдать, – заметьте себе это! А что касается высочайшего благоволения, то с этим покончено с тех пор, как принц Леопольд так ухаживал за красивой артисткой, что это всем бросалось в глаза; при дворе были серьезно озабочены, – об этом говорила вся резиденция.

– Ну, да, принц был влюблен, но ведь в этом еще нет беды.

– Для принца, которому предстоит вступить в брак, соответствующий его званию, большое несчастье, если он серьезно влюбится, а принц Леопольд к тому и шел. Всем известно, что он наотрез отказался поехать, в качестве жениха, как уже давно было условлено, к родственному королевскому двору, – отсюда и высочайшая немилость! Герцог поспешно отправил его путешествовать, другими словами – в изгнание; герцогской семье грозил полный разрыв – и все из-за этой Валески Блюм!

– Ну, она так хороша, что и принцу не грех наделать из-

за нее глупостей! – решил заметить Галлер, но за такое неуместное суждение тотчас получил от своего начальника выговор.

– Галлер, я не сомневаюсь в ваших верноподданных чувствах, но прошу вас быть осторожнее в своих выражениях. Нельзя говорить о «глупостях», когда речь идет об одном из членов княжеского дома. Впрочем увлечение принца было мимолетно; он, разумеется, одумался и покорится воле герцога; его брак с принцессой Марией – дело решенное.

– А фрейлейн Блюм?

– Ну, ей конечно неприятно будет лишиться своего августейшего поклонника. Впрочем она во всем этом деле показала много такта; по крайней мере так говорят; я же не доверяю этой молодой девице с ее опасной красотой – мне она подозрительна, очень подозрительна. Сначала она попыталась поймать в свои сети принца одного из правящих домов; когда же это ей не удалось, она неожиданно появилась в Зеефельде, то есть, как раз там, где готовится покушение на герцогский дом. Я вижу в этом какое-то таинственное совпадение; могут открыться ужасные вещи.

– Господи, помилуй нас! Неужели вы думаете, что она сама окажется виновницей покушения? – с испугом воскликнул Галлер.

– Я ничего не думаю, я только делаю сопоставления. В новейшей истории мы видим ужасные примеры, от которых волосы становятся дыбом! Вспомните Россию!.. Во всяком

случае я энергично займусь наблюдениями.

С этими словами Зебальд также подошел к садовой ограде и принялся наблюдать пасторат, как будто обладал даром проникать взором сквозь запертые двери и окна. Однако ему недолго пришлось этим заниматься: со стороны озера стал приближаться легкий открытый экипаж с одиноким пассажиром. Пред гостиницей экипаж остановился, и из него вышел молодой человек, в котором, несмотря на штатское платье, можно было безошибочно узнать военного, принадлежащего к высшему кругу. Быстрым, пронизательным взглядом окинув обоих посетителей, он равнодушно повернулся к ним спиной и, повелительным тоном спросив себе комнату, поднялся за хозяином в верхний этаж.

Тотчас после его ухода Зебальд вышел из-под яблони, под которую удалился, завидев экипаж, и сказал выразительным шепотом:

– Галлер, это подозрительный человек.

– Да, господин Зебальд, но из высшего общества. Это не то, что лошадиник-барышник или коммивояжер по продаже коньяка и спирта.

– Тем хуже... то есть, тем лучше, хотел я сказать, так как дело наконец начинает понемногу распутываться. Идите исполнять свои обязанности и как можно скорее возвращайтесь с ответом.

На обязанности помощника лежало наведение справок о всех посторонних посетителях, что не составляло почти ни-

какого труда вследствие разговорчивости хозяина. В качестве слуги, Галлеру легче было разыгрывать любопытного и собирать необходимые сведения. Не прошло и десяти минут, как он уже вернулся с донесением.

– Ну, что? – с нетерпением спросил Зебальд. – Кто этот незнакомец? Откуда? Куда едет? Что ему нужно? Рассказывайте!

– Прежде всего он взял себе комнату.

– В этом нет ничего подозрительного. Дальше!

– Потом он осведомился о другом господине, которого надеялся застать уже здесь.

– Вот это подозрительно! Во всяком случае это – соучастник преступления! Затем что?

– Наконец он спросил о пасторате и выразил намерение посетить пастора.

Зебальд с торжествующим лицом вскочил со стула.

– Галлер, я думаю, что он у нас в руках!

– Кто? Преступник?

– По крайней мере кто-нибудь из шайки; здесь, без сомнения, идет дело о целой компании преступников. Не может быть простой случайностью, что к скромному деревенскому священнику в один и тот же час приезжают двое загадочных гостей. Может быть, он – только слепое орудие в руках заговорщиков, а, может быть, и нет, но во всяком случае в его доме происходят подозрительные встречи. Говорю вам, Галлер, у нас будет удачная охота!

– Да, и мы всех их вместе возьмем за шиворот! – с чувством удовлетворения заключил Галлер, идя в дом вслед за начальником.

* * *

Наступил полдень. Поверхность озера сверкала тысячами искр; солнце палило зноем окрестные горы, и даже в лесах, покрывавших соседние возвышенности, чувствовалась полуденная духота. Под тенистой защитой деревьев, по узкой, крутой лесной тропинке, с которой, когда деревья наступали, открывался вид на озеро, лежавшее далеко внизу, спускались два путешественника. Каждому из молодых людей могло быть около тридцати лет. Один из них, крепкого сложения, с красивым, крайне добродушным, но немного глуповатым лицом, в изящном дорожном костюме, по-видимому сильно страдал от жары и усталости.

– Проклятый лес! – сердито произнес он, отирая со лба пот. – Целый час бродил я в нем, не находя никакой дороги. Слава Богу, что мне посчастливилось встретить человека, принявшего во мне участие и указавшего дорогу. Черт бы подрал эту зеленую глушь, которой конца не видать!

Его спутник улыбнулся. Это был человек высокого роста, с белокурыми волосами и бородой, не такой красивый, как первый, но с более привлекательным, серьезным и мужественным лицом.

– Все-таки зеленая глушь очень поэтична, – возразил он, глядя вглубь леса, насквозь освещенного солнцем.

– Да, но в этой «поэзии» легко заблудиться; в ней приходится продираться сквозь кустарник, спотыкаться на корни деревьев и все-таки все больше удаляться от цели. Неужели вы называете это удовольствием? Если бы я продолжал идти по проезжей дороге, то уже давно был бы в Зеефельде; но я побоялся жары, да и кучер уверил меня, что лесная дорога короче и приятнее. Разумеется, он заснул, как впрочем и я, и мы неожиданно очутились в канаве вместе с экипажем; у последнего сломалось колесо, а мы отделались одним испугом.

– Это была большая оплошность со стороны кучера. С вами никого не было?

– Никого, так как я в этот раз не взял с собой камердинера. Но я, кажется, еще не представился вам: барон Куно фон Бэлов, владелец Вальтерсбергского майората.

Сообщив эти сведения с некоторой торжественностью, он несколько удивился, что они произвели так мало впечатления.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, господин фон Бэлов, – вежливо, но совершенно спокойно, хотя и с легкой улыбкой, произнес его спутник. – Счастье ваше, что все это случилось на ровном месте; при спуске с горы дело могло бы кончиться трагически.

– Ах, если бы только вся эта история случилась не сегодня! – вздохнул владелец майората. – Экипаж свалился в ка-

наву и сломался, я заблудился в лесу; все это – плохие предзнаменования, и сегодня они совсем не кстати. Я еду свататься!

– А-а! Поздравляю!

– Благодарю вас! Собственно говоря, я еще не могу принимать поздравления, так как этот вопрос далеко еще не решен.

– Почему? Разве есть препятствия?

– Да, и самое важное препятствие в самой невесте: она не хочет выходить за меня замуж.

При этом наивном признании спутник фон Бэлова плотно сжал губы, как бы с трудом сдерживая смех, но ограничился тем, что серьезно произнес:

– Это просто невероятно!

– Не правда ли? – доверчиво спросил фон Бэлов. – И ведь я положу к ее ногам все, чего может пожелать девичье сердце. Вальтерсберг – чудное имение, с замком, парком и лесами; моей жене ни в чем не будет отказа; я готов даже проводить с ней зиму в резиденции, если она не хочет расставаться с теми, к кому привыкла.

– Так ваша избранница живет в резиденции? Вероятно она – придворная дама?

Фон Бэлов на минуту стал в тупик, услышав такое предположение, высказанное уверенным тоном, но быстро оправился и храбро ответил:

– Нет, артистка!

Теперь пришла очередь удивиться его спутнику; он даже остановился.

– Артистка? Уж не из придворного ли театра?

– Совершенно верно. Вы вероятно знаете ее, так как по-видимому хорошо знакомы с нашей резиденцией. Это – мадемуазель Валеска Блюм, кумир публики, первоклассный талант и ко всему этому – очаровательная девушка, одним словом – ангел!

Спутник фон Бэлова с внезапно омрачившимся лицом крепко сжал губы; его глаза гневно засверкали, и он сжал кулаки, точно собираясь спустить вниз по крутому спуску восторженного поклонника красивой артистки; но взгляд на добродушное лицо говорившего заставил его опомниться. Он только пожал плечами и молча пошел дальше.

Фон Бэлов ничего не заметил и продолжал говорить, чувствуя потребность высказаться и не обращая внимания на то, что его слова были обращены к совершенно чужому человеку.

– Вас это удивляет, не правда ли? Да, мне от родных тоже приходится слышать, что брак будет неравным, если барон фон Бэлов женится на актрисе мещанского происхождения; но я на это не обращаю никакого внимания. Репутация Валески Блюм безупречна; она хорошего происхождения (ее отец был преподавателем в гимназии в резиденции); живет она со старой родственницей и держит себя так, что самые злые сплетники ни в чем не могут упрекнуть ее. Что бы там

ни было, я женюсь на ней.

– Но ведь она, кажется, не хочет вас, – вставил его спутник, справившийся со своей минутной вспышкой и смотревший теперь на дело с комической точки зрения.

– Да, она уже два раза отказала мне и теперь стремглав уехала в Зеефельд, вероятно из боязни, что я и в третий раз явлюсь с тем же, а я тут как тут! Ее тетка, старая мадемуазель Блюм, выдала мне секрет, и я тотчас выехал вслед за ними.

– Какая замечательная настойчивость!

Не заметив звучавшей в этих словах иронии, владелец майората принял их за чистую монету и даже почувствовал себя польщенным.

– Это – правда, я очень настойчив, – самодовольно ответил он. – Это – одно из моих главных качеств; поэтому я и не забочусь нисколько о неудовольствии родных, хотя они и грозят мне своей немилостью. Во всяком случае при дворе косо посмотрят на такой брак.

– Разумеется, – с горечью сказал незнакомец. – При нашем дворе в таких случаях указывают на родословные, как на нерушимый закон; но наше сердце – революционер, уничтожающий иногда и родословные, и традиции, чтобы с торжеством отстаять свое право.

– Совершенно согласен с вами! – воскликнул фон Бэлов. – Как вы это прекрасно выразили! Вообще вы мне нравитесь. Собственно говоря, кто вы такой? Вероятно живописец?

– Я? Нет! Почему вы так думаете?

– Потому что вы помешались на поэзии леса. Я нахожу ее в действительности очень неудобной, но против изображения ее на картине ничего не имею.

– Вы ошиблись, – с легкой усмешкой проговорил незнакомец. – Я вовсе не художник; до сих пор я был в военной службе, а теперь думаю заняться сельским хозяйством.

Фон Бэлов невольно обратил внимание на последние слова. «Сельское хозяйство» заинтересовало его, и он стал приглядываться к своему спутнику. Молодой человек имел представительную, даже аристократическую наружность, однако путешествовал пешком; но это не мешало Куно фон Бэлову почувствовать к нему расположение. Ему понравилась мужественная, серьезная наружность; кроме того незнакомец так участливо отнесся к нему, так дружески предложил показать ему дорогу, еще не зная даже, что ему выпала честь провожать самого владельца Вальтерсбергского майората.

– Сельским хозяйством? – повторил он. – И у вас вероятно нет еще никакого места, так как вы недавно оставили военную службу. Есть у вас какие-нибудь систематические сведения?

– По крайней мере надеюсь, что есть.

– В таком случае приезжайте ко мне в Вальтерсберг. Осенью освободится место помощника управляющего, очень хорошее место: триста гульденов жалованья, полное содержание и награда к Рождеству. Какого вы мнения об этом?

По губам незнакомца скользнула подозрительная улыбка,

как будто он боролся с неуправляемым смехом.

– Вы очень добры, – произнес он, – только я боюсь...

– Ну, если у вас недостаточно знаний, вы можете учиться! – перебил фон Бэлов, чувствуя себя обязанным придти на помощь застенчивому молодому человеку. – Мой управляющий – очень дельный человек; у него вы пройдете хорошую школу. Он немного грубоват; от тонких замшевых перчаток, какие вы носите, он скоро вас отучит, – они у нас не в моде. Вероятно он станет возражать против моего выбора, так как я беру вас без аттестата, без рекомендаций, но вы мне нравитесь, и это главное... Какую штуку однако выкинула опять ваша проклятая «поэзия»! Неужели мы должны здесь спуститься?

Эти слова относились к дорожке, круто спускавшейся в замечательно живописную лощину. Не имея привычки ходить по горам, фон Бэлов в нерешительности остановился, но его спутник постарался ободрить его.

– Это – последнее препятствие, которое вам надо преодолеть; спустившись вниз, мы прямо попадем на проезжую дорогу. Обопритесь вот так на мое плечо, и дело пойдет на лад.

– Да, так будет хорошо! – сказал владелец майората, очень довольный, что его новый служащий оказался в высшей степени полезным и услужливым человеком. – По-видимому вы хорошо свыклись с горами. Вероятно вы – здешний уроженец?

– Я родился в Розенбурге, близ резиденции.

– Ах, в герцогском увеселительном замке! Значить, вы – сын кастеллана или кого-нибудь в этом роде?

Тот, к кому относился этот вопрос, сделал легкое движение головой, которое могло означать и «да», и «нет»; фон Бэлов принял его за утвердительный ответ и дружески потрепал молодого человека по плечу.

– Мне это приятно; я очень дорожу тем, чтобы мои люди принадлежали к приличным семьям; в вас это сразу заметно.

– Вы можете быть вполне спокойны, моя семья вполне прилична, – с улыбкой ответил молодой человек. – Но вот наконец и проезжая дорога! Теперь вы не можете заблудиться; дорога ведет прямо в Зеефельд, куда вы дойдете в полчаса, а я пойду лесом.

– Пойдемте вместе по большой дороге, – проговорил фон Бэлов, которому хотелось еще поболтать. – Ведь вам также надо в Зеефельд, а кроме того вы могли бы взять от меня мой плед, – в эту жару так тяжело нести его!

С этими словами он снял с плеча свой плед и намеревался без дальних разговоров передать его своему будущему служащему, но тот сделал быстрый шаг назад и, выпрямившись во весь рост, окинул молодого барона каким-то странным взглядом.

– К сожалению, господин фон Бэлов, я принужден спешить и должен предпочесть кратчайшую дорогу. До свиданья в Зеефельде!

Он слегка приподнял шляпу и, сделав приветливый, но в

высшей степени величественный жест рукой, как будто отпустил барона с аудиенции, зашагал обратно к лесу и вскоре исчез между деревьями.

Куно фон Бэлов с растерянным видом остался стоять посреди залитой солнцем дороги, с злополучным пледом в руках. Сообразив наконец, что произошло, он покачал головой и произнес вполголоса:

– Жаль, что я нанял его к себе!.. в нем мало почтительности!

Продолжая покачивать головой, он пошел вдоль по дороге и, обливаясь потом, благополучно достиг наконец Зеефельда.

* * *

Зебальд со своим помощником все еще находились в садике гостиницы, имевшем то преимущество, что из него открывался свободный вид на все окрестности. Они даже обеды в саду, чтобы иметь возможность оставаться на своем наблюдательном посту, не внушая никому подозрения, между тем как число подозрительных фактов все увеличивалось. Незнакомец, приехавший вслед за дамами, еще не возвращался из пастората, а так как туда нельзя было проникнуть, то и оставалось только «энергично наблюдать».

Куно фон Бэлов также сделался предметом этих «наблюдений», когда усталый, вспотевший и в отвратительном на-

строении, он предстал пред хозяином гостиницы. На этот раз Зебальд решил сам проследить за новоприезжим. Как будто нечаянно столкнувшись с ним в калитке, он с изысканной вежливостью принялся извиняться, сказав, что крайне сожалеет, что нечаянно толкнул уважаемого господина, что совершенно не имел такого намерения и приносит тысячу извинений.

Такая вежливость была очень приятна Куно фон Бэлову, только что пред тем оскорбленному недостатком почтительности; он охотно принял извинения, а это повело к разговору. Он начался с общих замечаний о красоте озера и окрестностей; затем собеседники перешли к вопросам о том, откуда и куда кто едет, и молодой барон тотчас поведал о всех своих злоключениях, ругая кучера, который обещал немедленно доставить в Зеefeld сундучок путешественника, а между тем его до сих пор не было и в помине. В конце концов фон Бэлов осведомился, не останавливались ли здесь две дамы в открытой коляске с массой дорожных вещей.

Зебальд насторожился. Этот человек был безусловно подозрителен: он ведь тоже кого-то отыскивал в этом уединенном местечке; но Зебальд был слишком хорошо вышколен, чтобы выдать чем-нибудь свое торжество по поводу такого важного открытия; напротив он с величайшей учтивостью дал требуемые сведения.

– Две дамы? Одна постарше, другая помоложе? Совершенно верно! Час тому назад они проехали здесь, и я видел,

как они остановились у пастората, где, без сомнения, находятся еще и теперь. Вы вероятно познакомились с ними в дороге и желаете навестить их?

– Конечно я хочу отыскать их! – воскликнул фон Бэлов. – Но сперва я должен привести в порядок свой туалет... Боже мой, ведь сундук-то мой не здесь! Я даже не могу переодеться, а в этом костюме невозможно явиться к ним!

Лесная «поэзия» действительно сыграла скверную шутку с элегантным дорожным костюмом барона. Светлые брюки носили явные следы сырой и местами болотистой почвы, с которой владелец майората несколько раз спотыкаясь приходил в невольное соприкосновение; колючие кустарники, сквозь которые ему приходилось продирааться, также не пощадили его сюртука, сделав большую дыру на правом рукаве. Только теперь осознал он всю глубину своего несчастья и ужаснулся.

– Мой сундук! Где мой сундук? – с отчаянием повторял он. – Проклятый кучер наверно не смотрел за ним; его, может быть, украли, а у меня здесь ничего нет, кроме испорченных брюк и разорванного рукава! Где хозяин? Я хочу послать кого-нибудь за сундуком, он мне необходим!

Зебальд старался успокоить его, объясняя, что кучер не мог не опоздать, так как ему надо было еще починить сломанный экипаж, но фон Бэлов не хотел ничего слышать. Его выводила из себя мысль, что весь его гардероб пропал и он не может переодеться. Позвав хозяина, он потребовал чело-

века, которого мог бы послать за сундуком, и комнату, где можно было бы немного привести в порядок костюм.

К счастью и то, и другое оказались налицо. Хозяин, радуясь неожиданному посетителю, быстро побежал вверх по лестнице, чтобы привести в порядок последнюю из свободных комнат; фон Бэлов последовал за ним, не обращая больше внимания на Зебальда, который горел нетерпением продолжать разговор. Снизу было слышно, как владелец майората принялся рассказывать хозяину с начала всю историю своего падения, со всеми подробностями. Тогда Зебальд вернулся в сад, где его помощник делал вид, будто убирает со стола.

– Галлер, он у меня в руках! – заявил начальник торжественным шепотом.

– Опять подозрительный? – спросил Галлер, скромно державшийся в отдалении, но слышавший весь их разговор.

– Вернее сказать – самый подозрительный! Это без сомнения – тот самый сообщник, которого все ожидают и о прибытии которого так настойчиво осведомляются. Слышите, он также собирается в пасторат!

– Но он хочет сперва принарядиться, а для заговора в этом нет никакой надобности. Господин Зебальд, этот молодой человек совершенно не опасен: он без умолка болтает о сломанной коляске, о новом помощнике управляющего, о какой-то проклятой лесной поэзии, так что ничего нельзя понять; но никакого вреда от него не будет, для этого он слыш-

КОМ ГЛУП.

Зебальд только пожал плечами, как всегда делал, когда помощник позволял себе не соглашаться с ним.

– Давно уже стараюсь я, Галлер, подготовить вас к высшей должности, а вы все дальше азов не двигаетесь; у вас нет ни малейшей способности соображать и делать выводы. Разве вы не видите, что так намеренно подчеркиваемая глупость – только маска? Уверяю вас, этот молодой человек, умеющий так прекрасно играть комедию, очень опасен, гораздо опаснее того, который хотел надуть нас своим штатским платьем, тогда как каждое его слово, каждое движение выдает в нем солдата. Впрочем опаснее всех эта Валеска Блум, к которой они оба стремятся и которая по-видимому собирает в пасторате целый конгресс заговорщиков.

– Но ведь это – дама! – возразил Галлер, – и совсем молодая!

– Именно такие всего опаснее; вспомните Россию! Какую роль играют там женщины в заговорах! В их руках – все! Но довольно об этом; теперь нам необходимо предпринять рекогносцировку вокруг пастората, чего бы это ни стоило. Мне надо послать донесение его превосходительству, и я желал бы сообщить ему какой-нибудь осязательный результат. Итак, мы отправляемся в ту сторону на прогулку; берите с собой книгу и складной стул; может быть, нам удастся еще что либо заметить.

Через пять минут Зебальд, с огромным зонтиком в ру-

ках, с биноклем на перекинутом через плечо ремне, направлялся к озеру с таким мирным видом, как будто действительно намеревался любоваться красотой ландшафта. За ним, с книгой и складным стулом, следовал Галлер; казалось, оба искали только подходящего места, чтобы присесть отдохнуть.

Маленький домик пастора, со своими зелеными ставнями и светлыми окошечками, смотрел так приветливо, что казалось совершенно невозможным допустить, чтобы в нем мог найти приют мрачный, кровавый заговор. С передней стороны к нему нельзя было безопасно подойти, так как неприятельская рекогносцировка тотчас была бы замечена; но с противоположной стороны дом примыкал к кладбищу, на которое можно было проникнуть, не возбуждая подозрений.

Зебальд с товарищем так и сделал; они принялись с большим интересом рассматривать могилы, читая все надписи, и все ближе подходили к той части каменной ограды, которая прилегала к дому пастора и была закрыта кустами бузины. Как раз над ними находилось открытое окно, сквозь которое можно было видеть маленькую, просто убранную комнатку, предназначенную по-видимому для приезжих, так как на маленьком столике стоял изящный ручной чемодан.

В комнате никого не было, но ключ в замке неожиданно щелкнул, и дверь отворилась. Зебальд, сделав знак товарищу, вместе с ним неслышно скользнул под бузиновый куст. Хотя им ничего не было видно, но они могли слышать все,

что говорилось в комнате. Очевидно вошедшие убедились, что на кладбище никого нет, так как начали спокойно разговаривать около самого окна, оставив его открытым, и спрятавшиеся под бузиной могли отчетливо слышать каждое слово.

– Это совершенно бесполезно, Варнштедт, – произнес кто-то приятным, звучным голосом. – Все, что вы мне теперь говорите, я давно обдумал и решил не медлить более; все мирные средства исчерпаны, и нам остается только действовать насильем, если мы вообще намерены достигнуть цели.

– Но неужели нет другого выхода? – ответил другой голос, по которому подслушивавшие тотчас узнали неизвестного господина, остановившегося в гостинице; но теперь он говорил не так резко и отрывисто, а даже с оттенком почти-тельности. – Откровенно признаюсь, я испугался, когда получил ваше письмо, вызывавшее меня сюда, и узнал его содержание. Я все еще надеялся, что временная – хотя бы и притворная – покорность, спокойное выжидание...

– Выжидание? – с внезапной горячностью перебил первый. – Мы, кажется, довольно долго ждали, так долго, что нельзя больше терять ни одного дня. Герцог так спешит переговорами с королевским двором, что нам не остается иного выбора, и мы должны предупредить его, чего бы это ни стоило. Хотят довести меня до крайности, вот и увидят всю прелесть этой крайности!

– Но такая насильственная мера может повести к совер-

шенно непредвиденным последствиям! – возразил его собеседник. – Еще раз прошу, обдумайте это, ва...

– Тише! Оставьте титулы и имена в покое! – перебил первый, понизив голос. – Не забывайте, что мы здесь инкогнито. Я нисколько не обманываю себя относительно последствий, но решился нести их. При дворе будет взрыв, причем взлетит на воздух, то, что казалось несокрушимым, как скала. Но – все равно! – дело идет о священнейшем праве человека, и это я буду открыто защищать пред целым светом, хотя и принужден сначала завоевать его тайно. Неужели вы откажете мне в своей помощи, Варнштедт?

– Нет, конечно нет! – тотчас последовал решительный ответ. – Я только счел своим долгом предупредить, высказав свои соображения. Но если ваше решение неизменно, я готов служить чем могу.

– Несмотря на опасность? Ведь вы можете пострадать за это.

– Несмотря ни на какую опасность!

– Благодарю вас, Варнштедт! Я знал, что могу рассчитывать на вас; вы – единственный человек, кому я безусловно верю. Боюсь, что о моем намерении догадываются; я чувствую, что за мной следят, и не могу положиться ни на кого из окружающих. Измена может в последнюю минуту испортить весь наш план; надо одним ударом положить конец всем этим ухищрениям.

– Догадываются о вашем намерении? – с тревогой спросил

Варнштедт. – В таком случае ваш внезапный отъезд конечно не прошел незамеченным.

– Весьма вероятно, но в данную минуту никто не знает, где я, а, когда это станет известно, будет уже поздно. Я выехал вчера вечером, не взяв с собой никого; вышел на маленькой промежуточной станции и нанял почтовых лошадей, но отпустил их на предпоследней станции и сделал остальную часть пути пешком. Со своей стороны, Валеска также приняла меры предосторожности, и мне кажется просто невозможным, чтобы уже напали на наш след, если только моя оживленная переписка последних дней с зеефельдским пастором не возбудила подозрений.

– А его преподобие действительно согласен? Признаюсь, я в этом сомневался.

– Согласен! Мой старый учитель и друг не отказал мне в своей помощи. Мне стоило большого труда убедить его; у него оказалось еще больше возражений, чем у вас, но в конце концов он сдался. Значит, мы встретимся сегодня вечером, в назначенный час.

– В деревенской церкви?

– Нет, в маленькой часовне, вот на том холме. Она лежит уединенно, и мы можем незаметно пройти в нее из пасторского сада. Следует избегать всего, что может обратить на себя внимание в деревне; вот почему мы и выбрали вечерний час. Итак, будьте аккуратны; дамы также будут готовы ровно в семь часов.

После короткого прощанья один из разговаривавших по-видимому удалился, а другой оставался в комнате еще несколько минут – слышно было, как он ходил взад и вперед; потом дверь снова отворилась, замок щелкнул, и наступила полная тишина.

Переждав несколько минут, Зебальд с товарищем, под прикрытием кустов бузины, отправились в обратный путь и, достигнув озера, повернули в деревню. Бросив взгляд на залитую солнцем улицу, на которой не было ни души, Зебальд обратился к своему помощнику:

– Теперь, Галлер, главный преступник у нас в руках!

На кладбище у Галлера все время была внутренняя дрожь от страха, как бы не выдать своего присутствия каким-нибудь неосторожным движением; теперь, несмотря на солнечный зной, его всего трясло, как в лихорадке.

– Да, господин Зебальд, теперь мы захватим и его, и всю эту кровожадную шайку! Но ведь то, что мы слышали, просто ужасно!

Зебальд только пожал плечами.

– Я готовился к самому худшему, но действительность конечно превзошла все мои ожидания. Ведь это – не простое покушение на государственную измену, а вполне организованный заговор! Насилие над княжеским домом... не отступают ни пред какими крайностями... берут на себя непредвиденные последствия...

– И при герцогском дворе будет взрыв, и все должно взле-

теть на воздух! – с ужасом вставил Галлер. – Если б только знать, где спрятан у них динамит!

– Конечно в пасторате! Надо будет поскорее сделать обыск. Теперь уже нет никакого сомнения, что и пастор с ними заодно. Сначала я думал, что он – только невольное, слепое орудие в их руках и что его следует щадить; теперь же оказывается, что они совсем завлекли его в свои сети, и это всего ужаснее. Священник, которого звание обязывает защищать Господни алтари и троны светских властителей, – сообщник динамитчиков! До чего мы дойдем? В нашем несчастном отечестве происходят вещи куда хуже, чем в России!

Мрачно кивнув головой, Галлер оглянулся на пасторский дом, хранивший в своих недрах столько ужасов.

– Ах, если б только нам удалось увидеть в лицо начальника шайки! Жаль, что там, в кустах, нам нельзя было пошевелиться! Но его голос я сразу узнаю. Что за кровожадное чудовище! Тот, другой-то, изо всех сил старался отговорить его, но он и слышать ничего не хотел. Он как раз выступит с динамитом и взорвет все на воздух!

– Разумеется! И при этом какой ужасный фанатизм! Вы слышали, как он собирался защищать священнейшие права? Итак, сегодня вечером состоится тайная встреча заговорщиков.

– И где же? В церкви!

– Это безопаснее, так как в часовню почти никто не ходит.

Вы слышали, что и «дамы» также будут присутствовать там.

– И это называется «дамы»! – яростно проворчал Галлер. – Кровожадная сволочь! И притом Валеска Блюм так хороша, так хороша...

Он тяжело вздохнул, а его начальник многозначительно кивнул головой.

– Да, это – красивая, коварная змея!.. До сих пор она умела всем казаться невинной, но я разгадал ее с первого взгляда; мне она всегда казалась подозрительной. Ну, да что об этом толковать! Прежде всего следует уведомить его превосходительство. Я сейчас составлю телеграмму, и вы отнесите пешком на телеграфную станцию, потому что бросится в глаза, если вы возьмете экипаж. Вы будете там через полчаса, а еще через полчаса телеграмма будет уже в руках его превосходительства господина гофмаршала, и мы немедленно получим от него ответ, также по телеграфу.

– Но он не может прислать по телеграфу людей нам на помощь, – с сомнением произнес Галлер, – а это необходимо. Трое вооруженных с ног до головы заговорщиков, две женщины, имеющие конечно по револьверу, и его преподобие пастор... я не могу один взять всех их за шиворот.

– Об этом не беспокойтесь. В крайнем случае нам окажут помощь крестьяне, верные княжескому дому; услышав о покушении, они вместе с нами бросятся на заговорщиков. Галлер, это будет великий момент! Мы открыли преступление! Мы спасем княжеский дом и заслужим благодарность всего

государства!

– И, может быть, орден или прибавку жалованья, – отозвался помощник, взглянувший на вопрос с практической точки зрения.

– Это само собой разумеется! Но вот и гостиница; я пойду писать телеграмму.

Удалившись в свою комнату, Зебальд быстро набросал: «Требуемое найдено. Все предположения подтвердились. Сегодня вечером назначена встреча. Прошу немедленных инструкций».

– Вот телеграмма, – сказал он, складывая бумагу и передавая ее своему помощнику. – Спешите, летите и ждите на станции ответа, а я пока буду здесь... наблюдать.

Повинуясь приказанию, Галлер бросился вниз по лестнице, с похвальным намерением «лететь», но из предосторожности замедлил шаги, проходя мимо комнаты фон Бэлова, который громко жаловался хозяину, что его сундук еще не пришел и он не может переодеться.

– Господи, помилуй! Он и в самом деле собирается наряжаться для покушения! – прошептал Галлер, украдкой творя крестное знамение. – Этого, я думаю, даже и в России не бывает! Правду говорит господин Зебальд: страшные вещи происходят в нашем несчастном отечестве!

Наступил вечер. На зеркальной поверхности озера легли первые голубоватые тени, между тем как на горах еще лежал золотистый свет заходящего солнца, в лучах которого ярко сверкали белые стены маленькой горной церкви. Вот раздался вечерний звон и понесся во все стороны, мягкий и торжественный, словно возвещая всюду лишь мир и благословение. К счастью жители Зеefeldа не имели никакого представления о том, что происходило там, наверху, и о предстоявшем осквернении священного места. Вернувшись с работ и услышав вечерний колокол, они набожно прочли молитву и уселись за ужин. Дома у них было все необходимое под рукой, и до пастората и его окрестностей им не было никакого дела.

Зеbальд снова находился на своем наблюдательном посту. Он страшно устал от непрерывных наблюдений, но сознание своего долга и лежавшей на нем тяжелой ответственности заставило его превозмочь утомление. Галлер принес ответную телеграмму с энергичными указаниями. Гофмаршал очень серьезно отнесся к сообщенным сведениям и телеграфировал, что приедет немедленно сам для личного руководства всем делом; его приезда можно было ожидать с минуты на минуту. Обоим сыщикам было приказано ничего не предпринимать, не выпуская ни на минуту из вида «наблюдае-

мого предмета». Конечно вслед за его превосходительством должно было прибыть и подкрепление; хотя в депеше, составленной в крайне осторожных выражениях, об этом упомянуто не было, но это подразумевалось само собой.

Тем временем Зебальд со всевозможными предосторожностями сделал необходимые распоряжения. Наблюдательный пост близ часовни был поручен Галлеру; начальник сам отыскал для него удобное местечко, с которого он мог незаметно за всем следить. При этом Зебальд еще раз рекомендовал величайшую осторожность, чтобы заговорщики, не подозревая опасности, сами пошли в ловушку.

Между тем фон Бэлов был наконец порадован прибытием своего сундука. Оказалось, что кучер предпочел починить сперва экипаж на ближайшем постоялом дворе, на что потребовалось несколько часов; таким образом он с экипажем и сундуком лишь под вечер добрался до Зеефельда, к великому удовольствию владельца майората, до сих пор испытывавшему из-за разорванного сюртука все неудобства добровольного домашнего ареста. Он стремглав бросился распаковывать вещи и переодеваться в новенький костюм, что не помешало ему с особенной заботливостью отнестись к своему туалету. На церковных часах пробило семь, когда он вышел из гостиницы, чтобы наконец отправиться в пасторат с давно намеченным визитом.

– Как он аккуратен! – сказал Зебальд, видевший, как барон вошел в дом пастора. – И действительно одел с иголочки

новый костюм для присутствия на таком ужасном совещании. Цинизм теперешнего поколения решительно переходит всякие границы!

С нетерпением следя за часовой стрелкой, сыщик ломал себе голову, стараясь припомнить, где он раньше слышал голос предводителя заговорщиков. Этот красивый, звучный голос был ему безусловно знаком, но он тщетно пытался воскресить в памяти все уголовные процессы, возникавшие в герцогстве, – в этих воспоминаниях не нашлось для него никаких объяснений.

Через четверть часа на дороге показался почтовый экипаж, приближавшийся крупной рысью. Кучеру была вероятно обещана большая награда, так как он гнал во всю прыть, и лошади были все в мыле, когда он осадил их пред гостиницей. Узнав в пассажире гофмаршала, Зебальд стал готовиться к самой почтительной встрече, но ему незаметно дали понять, чтобы он воздержался от внешних знаков особенного уважения. Быстро выйдя из экипажа, гофмаршал удалился с ним в сад и вполголоса поспешно спросил:

– Ну, как идет дело?

– Лучшего желать нельзя, ваше превосходительство, – ответил Зебальд с самодовольством человека, исполнившего трудную задачу. – Все нити у меня в руках, и, какие бы меры ни были приняты, мы во всяком случае останемся хозяевами положения.

– Очень рад! – сказал видимо успокоенный гофмаршал. –

Из вашей телеграммы я узнал главное, а теперь мне нужны подробности. Итак, он действительно здесь?

– Он? Разумеется! Они все здесь и считают себя в безопасности, а сами уже почти в ловушке.

Его превосходительство нахмурил лоб и сделал значительное лицо.

– Зебальд, вы, кажется, забываете, о ком говорите! Выберите более почтительные выражения.

Зебальд очень удивился. Ему показалось крайне странным требовать почтения к заговорщикам, да еще со стороны гофмаршала, но он ничего не возразил на это, а только осведомился, скоро ли прибудет необходимая помощь.

– Помощь? Зачем? Для чего?

– Чтобы верней захватить всю шайку. Преступников трое, затем две женщины, да и пастор пожалуй окажет сопротивление. Мы вдвоем с Галлером вряд ли справимся с ними.

Гофмаршал взглянул на него, как на помешанного.

– Захватить шайку? Да о чем вы, собственно, говорите?

– О государственных преступниках, которых я открыл.

– Здесь, в Зеefeldе?

– Конечно! Ваше превосходительство сами дали мне необходимые указания; ведь меня только для этого и командировали сюда.

На лице гофмаршала выразилось величайшее изумление вместе с живейшим негодованием.

– Кажется, здесь произошла непоправимая ошибка! Об

этом-то и упоминалось в вашей депеше? Вы очевидно пошли по ложному следу, сосредоточив все свое внимание на каком-то пустяке, тогда как я доверил вам дело первостепенной важности.

– Но это – вовсе не пустяк, – защищался Зебальд с сознанием собственной правоты. – Ведь это – динамитный заговор!

– Что? – с ужасом вскакивая с места, воскликнул гофмаршал. – Динамит?

– В герцогском дворце хотят произвести взрыв, вся княжеская фамилия взлетит на воздух; родственному королевскому дому также по-видимому угрожает опасность; об этом тоже был разговор.

Его превосходительство побледнел, как смерть, и принужден был опуститься на стул.

– Зебальд, это – ужасное открытие! Есть у вас доказательства?

– Самые неопровержимые. Я собственными ушами слышал, как преступники говорили о своих кровожадных планах.

– Тогда вы поступили вполне правильно, оставляя все прочее в стороне, когда, дело идет о жизни княжеской семьи. Но где же преступники?

– Там, наверху, – объяснил Зебальд, указывая на вершину холма.

Гофмаршал вскочил со стула; казалось, ему сразу все ста-

ло ясно.

– Как? В церкви?

– Да, в церкви. Но не беспокойтесь, ваше превосходительство – за ними следят. Галлер сторожит, чтобы их никто не потревожил, пока...

– Боже мой, да этому-то и надо было помешать! – в отчаянии воскликнул Гофмаршал. – Да в своем ли вы уме что поставили еще охрану?

– Но ведь их следовало сначала заманить в ловушку! В церкви только один единственный выход; если его своевременно запереть, то они будут пойманы, так как окна расположены высоко и через них нельзя вылезть. Крестьяне конечно окажут нам необходимую помощь, – я подниму на ноги всю деревню...

– Да замолчите же! Вы с ума меня сведете своими глупостями! – с бешенством перебил его гофмаршал. – Надо немедленно спешить туда! Я заявлю протест именем герцога; его светлость дал мне неограниченные полномочия.

Он бросился вон из сада, мимо изумленного хозяина, собиравшегося почтительно приветствовать посетителя, прибывшего с экстренными почтовыми. Следом за ним поспешил Зебальд, совершенно растерявшийся, так как поступки гофмаршала были ему непонятны. Какое значение мог иметь протест, заявленный именем герцога, для людей, ковавших смертоносные планы против целой герцогской семьи?

У подножия холма они натолкнулись на барона фон Бэ-

лова, бродившего там в отвратительном настроении духа. В пасторате он никого не застал, но узнал, что дамы еще не уезжали, и теперь разыскивал их, делая вид, что просто гуляет. При виде гофмаршала он в изумлении остановился.

– Ваше превосходительство, вы здесь?

– Барон фон Бэлов, каким образом попали вы в Зеefeld? Зебальд остолбенел, начиная соображать, что происходило что-то неладное. Неужели он ошибся в этом молодом человеке?

– Я путешествую, – пояснил владелец майората. – Но куда вы так спешите, ваше превосходительство?

– Я... я не хочу пропустить солнечный закат, – ответил гофмаршал, начиная так быстро взбираться на холм, как только позволяли ему силы.

– О, тогда я пойду с вами! – воскликнул фон Бэлов, радуясь, что нашел, с кем поболтать. – Солнечный закат так поэтичен! Положим, мне от поэзии пришлось плохо. Представьте себе, ваше превосходительство, мой экипаж, – и он принялся в третий раз рассказывать ту же самую историю и говорил до тех пор, пока они не взобрались на вершину холма.

Не слушая его, гофмаршал поднимался так быстро, что принужден был остановиться перевести дыхание. В эту минуту из кустов вынырнул Галлер с всеподданнейшим докладом.

– Они все там, внутри, ваше превосходительство, и притащили с собой в церковь ящик, по всей вероятности с ди-

намитом. Недостает лишь третьего заговорщика, того, который так глупо притворялся и все кричал про свой сундук...

Он неожиданно умолк, увидев, что человек, о котором он говорил, стоял позади гофмаршала. Эта близость мнимого преступника так смутила честного Галлера, что он сделал движение, собираясь схватить его за шиворот, но заметивший это гофмаршал остановил его, гневно произнеся:

– Что с вами? Уж не принимаете ли вы барона фон Бэлова, владельца Вальтерсбергского майората, тоже за заговорщика?

– Кто? я – заговорщик? Боже мой, этого со мной никогда не случилось! Меня никто никогда не принимал за заговорщика! – воскликнул Куно фон Бэлов, и его лицо вполне подтвердило его искренность.

Галлер в смущении отступил, с разинутым ртом поглядывая то на владельца майората, то на своего начальника, уяснившего себе теперь свою роковую ошибку.

Однако гофмаршал, не теряя времени, быстро взбежал по каменным ступеням и отворил дверь часовни. Фон Бэлов, наконец заметивший, что вокруг него происходит что-то необыкновенное, с любопытством последовал за ним; позади всех вошли Зебальд со своим помощником.

Заходящее солнце заливало маленькую церковь последними, красноватыми лучами, мягко освещая благородное лицо старого священника, в полном облачении стоявшего пред алтарем, и юную чету, только что поднявшуюся с колен.

Возле высокого мужчины с белокурыми волосами и бородой и со строгими чертами лица стояла невеста, в простом белом платье, в пышном подвенечном вуале, с миртовым венком на темных волосах. Она опустила головку на плечо мужа, с любовью прижавшего ее к себе.

– Поздно! Совершилось! – прошептал гофмаршал, с первого взгляда убедившийся, что церемония уже окончена.

Возле алтаря стояли мужчина с военной выправкой и пожилая дама, заливавшаяся слезами; очевидно они присутствовали в качестве свидетелей.

Оглянувшись при звуке отворившейся двери, пастор и оба свидетеля увидели группу совершенно растерявшихся людей. Спокойнее всех был фон Бэлов, не уяснивший еще всего, что случилось. Он понял одно – что Валеска Блюм, его обожаемая Валеска, на которой он намеревался жениться, «чего бы это ни стоило», стала женой другого, и что этот другой был... его новый помощник управляющего.

Зебальд был в смертельном страхе, только теперь сообразив свою огромную ошибку; в настоящую минуту он узнал, где раньше слышал голос главного заговорщика; под влиянием ужаса у него невольно вырвалось вполголоса:

– Принц Леопольд!

Новобрачные также оглянулись на шум. Увидев вошедших, принц нахмурился, но тотчас овладел собой, гордо выпрямился и, взяв молодую жену под руку, направился с нею прямо к гофмаршалу.

– Ваше превосходительство приехали поздравить нас со вступлением в брак? – с ледяной вежливостью спросил он. – Вы явились как раз вовремя.

– Ваша светлость! – растерянно начал тот, – я приехал по поручению вашего августейшего брата и не премину сообщить ему...

– Об этом не беспокойтесь – я уже сам сделал это, – перебил его Леопольд. – Письмо уже готово и должно было через час быть отправлено; но так как вы, ваше превосходительство, находитесь здесь, то позволяю себе просить вас передать его лично моему брату.

Видя, что всякое вмешательство было уже излишне, гофмаршал молча поклонился принцу, умышленно обходя стоявшую с ним рядом молодую женщину.

– Так как я намерен сейчас ехать с моей женой, – с ударением сказал принц, – то разрешаю вам, господин гофмаршал, теперь же откланяться.

Гофмаршал с минуту колебался, но глаза молодого принца загорелись таким гневом, что старый придворный нашел возможным удостоить Валеску поклоном, на который она ответила едва заметным наклонением головы.

В сопровождении пастора и обоих свидетелей новобрачные удалились из церкви; при этом старушка не могла удержаться от сострадательного взгляда на своего недавнего любимца, стоявшего в каком-то оцепенении; конечно, он должен был уступить место принцу, но ей все-таки было беско-

нечно жаль его.

Однако Куно фон Бэлов не столько чувствовал горечь от сознания, что его любовь окончательно отвергнута, сколько был поражен и испуган такой развязкой дела. Наконец он решился обратиться за разъяснением к гофмаршалу.

– Ваше превосходительство, – запинаясь произнес он, – неужели это – правда? Неужели это – принц Леопольд?

– Разумеется, он! Разве вы не знаете его? Впрочем он стоит в заграничном гарнизоне, вы же редко бываете при дворе.

– А теперь я никогда уже не покажусь туда! Я не смею показаться туда! – с отчаянием воскликнул злополучный владелец майората. – И кто мог это предполагать?

Гофмаршал невольно прислушался.

– Но что же случилось? Разве вы оскорбили принца?

– Я предложил ему место помощника управляющего, триста гульденов жалованья и полное содержание...

– Барон фон Бэлов... да что вы говорите!..

– И награду к Рождеству! – закончил бедный Куно, чувствуя себя совершенно уничтоженным. – Да еще хотел дать ему нести мой плед... только он не понес.

Гофмаршал серьезно подумал, что при падении вместе с экипажем в голове владельца майората что-то повредилось. Покачав головой, он собрался уйти, но барон фон Бэлов и тут не отстал от него: ему необходим был собеседник, с которым он мог бы говорить о неслыханных событиях, и он до тех пор не успокоился, пока не рассказал всей истории своей встречи

с принцем.

Оставшись одни, Зебальд и его помощник обменялись печальными взглядами. Вдруг Галлер заметил на одной из церковных скамей тот самый ящик, содержание которого показалось ему таким подозрительным; теперь он не мог отказаться от удовольствия освидетельствовать его. Ящик оказался пустым, но несколько оставшихся в нем миртовых листочков указывали на его назначение: в нем хранились венки и подвенечный вуаль, которые невеста надела уже в церкви.

– Тут не было никакого динамита, – уныло сказал он, указывая своему начальнику на миртовые листочки. – А я так тогда обрадовался, что можно схватить за шиворот всю шайку! Слава Богу, что до этого не дошло, а то мы засадили бы в тюрьму его светлость, самого принца Леопольда!

Пред домом пастора стоял экипаж, в котором новобрачные должны были ехать на железнодорожную станцию. Валеска удалилась с теткой, чтобы переменить свадебный наряд на дорожный костюм, и в кабинете пастора остались принц Леопольд, бывший адъютант принца, полковник фон Варнштедт, и хозяин дома.

– От всего сердца благодарю вас! – сказал принц, пожимая руку своему старому учителю. – Я высоко ценю то, что вы делали для меня и моей дорогой Валески. Всю ответственность я принимаю на себя и непременно заступлюсь за вас, если бы вас вздумали потребовать к ответу.

Старик добродушно махнул рукой.

– Что можно сделать со мной в этой глухой деревушке? Вероятно все дело кончится одним выговором, но я охотно перенесу его ради вас, ваша светлость. Конечно мне не легко было решиться оказать вам содействие в этом серьезном шаге; дай Бог, чтобы он принес счастье вам и вашей супруге!

– Это так и будет, – серьезно произнес принц Леопольд. – Я не нарушил никакого долга; я только пренебрег традициями. Я – самый младший из принцев нашего дома и никогда не имел в виду вступить на престол; для меня не имеют значения те соображения, которым должен подчиниться наследник престола. Конечно брат будет некоторое время сердиться на меня, а затем примирится с совершившимся фактом, – я его хорошо знаю! В конце концов он согласится, что у меня достало решимости быть счастливым и оказалось достаточно энергии, чтобы завоевать свое счастье. Прощайте, Варнштедт! – продолжал принц, протягивая руку полковнику. – Как вам известно, я оставляю военную службу; я прошу у герцога отставки и буду жить с Валеской в своих имениях; но, где и при каких обстоятельствах нам не пришлось бы встретиться, мы всегда останемся старыми друзьями.

В эту минуту, в сопровождении тетки, вошла Валеску в дорожном костюме.

Ласково кивнув старушке, принц взял жену под руку и сказал:

– Через шесть недель мы вернемся из путешествия; до свидания, милая тетя!

Старушка могла только молча поклониться своему августейшему племяннику, – радостное волнение лишило ее языка. В самых смелых своих мечтах она воображала себя теткой владельца майората; но услышать, как принц называет ее «милой тетей», – такому счастью имени не было!

Через несколько минут молодые супруги уселись в экипаж и вскоре скрылись из вида в сумерках надвигавшегося летнего вечера.

В ту минуту, как они проезжали мимо гостиницы, в маленький садик входили Зебальд и Галлер.

– Вот они и уехали! – сказал первый, глядя им вслед. – Это – просто неслыханное дело! Когда его превосходительство господин гофмаршал явится с таким известием...

– Тогда в нашей резиденции действительно будет взрыв, – вставил Галлер, – только без динамита!